

Александр СУДЕЦ

ОКЕАНСКИЕ СНЫ

Роман

Том II

«СЕДОВ» И ДРУГИЕ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С89

Судец, А.
С89 Океанские сны. — Т. II — М: Книга по Требованию, 2017. —
356 стр.

ISBN 978-5-519-51176-6

Книга печатается в авторской редакции

Особая благодарность
ветерану, парусному мастеру барка «Седов»
Игорю Евдокимову
за помощь в редактировании книги.

На обложке – картина автора «Ветры свободы»

ISBN 978-5-519-51176-6

© Lennex Corp, 2017
© А. Судец, 2017

*Парусный флот – дворянство морей,
Высшая знать океанов.*

Юхан Смуул.

*Паперть моя – океанская гладь,
Храм мой – купол небесный...*

А.С.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМ ДРУЗЬЯМ –
ЖИВЫМ И ВЕЧНО ЖИВЫМ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Эта книга —
осанна солнцу,
осанна ветру,
осанна парусу в синем небе,
дифирамб людям океана!*

А.С.

СОН ПЕРВЫЙ

ПОЛЕТ НАД ВОДОЙ

Свесив самую себя, моя голова в свободном падении-полете, и чуть склонившись на бок, находилась в пространстве между небом и водой. Это было так, – как небыль, как естественно, само собой происходящее нечто, как свершающееся помимо меня и моей воли и сознания существование в некой странной, но приятной своей любопытностью новизны, временнОй среде, где всё вновь, где всё в новинку, впервые, где всё еще – никогда прежде, где все – ах!, где все – ух ты! и ну и ну!.. Выставив башку в иллюминатор, чумая и постепенно впадая в странный, обволакивающий сознание транс, я смотрел на пробегающую подо мной воду, на ее бесконечное движение, движение, движение,.. на ее великолепие, на свое участие в этом бесконечии, на свое присутствие при явлении миру чуда овеществления тайны беспредельности бытия... Это было перевоплощение меня, мое пересоздание,.. я оказался там, где прежде не было еще никого, где я был первым незнакомцем-пришельцем, глядящим, увидевшим эту интимную тайну понятия – Всегда... Это было как черт знает что! – и я не мог от него оторваться... Все смотрел, смотрел, смотрел...

Подо мной вниз уходил железный борт, уходил всей своей холодной мощью туда, под меня и дальше, дальше, в воду, и там, погружаясь в ее темь, продолжался в ней все дальше, в глубь ее, бесчувственную ко мне, – и не было ему, этому железнОму, конца... Так же бесконечно борт вздымался и надо мной, за моим затылком, уходя там, сзади, не видимый, но чувствуемый мной, вверх, к небу, бесконечно и навсегда... Туда, где все недвижимо и покойно, неподвижно и созерцательно... Где все – навсегда... И я – в середине!.. Вроде как бы даже украдкой, неспросясь подглядывал за Вечностью... Подо мной неслась бесконечность движения, – надо мной, там, вверху – простёрлась бесконечность покоя... – и я тут, букашка, высунулся из своей щелки между ними и гляжу, гляжу, гляжу... на Великое...

Позади меня в каюте, – то ли из радио, то ли откуда, доносилась, неслась резвая, энергичная, бесконечная мелодия... Даже не мелодия, а так, чистый ритм электрогитар и мужского, мужских голосов... Бес-

конечный, бесконечный, ровный... И так он вписывался, соединялся через мои уши с моими глазами, так оседал в мозговых витиеватостях, что становился равноправной частью видимого, наблюдаемого мной чуда – и все обретало некий странный, но конкретный, хотя и загадочный смысл... Движение воды – бесконечное, движение звуков – ритмичное, ровное и тоже без начала и конца, – всё это слилось воедино и, подхватив меня, взяв с собой, двигалось через океан. И цель наша была – в бесконечности этого движения по воде... Ровное, неосстановимое, бесконечное движение – вечная наша цель...

Море было тихое, океан спал,.. хотя, может и не спал, а просто занимался какими-то, ведомыми лишь ему, Великому, своими делами – перемешивал температурные слои и горизонты солёности, давал простор рыбьим похотям и акульным страстям, – и все во тьме, в невидимости, в тихом беззвучии несусветных глубин, где жизнь и смерть – все едино... Где мрак искрился вспышками ярости, где все и нечто, где вскрик без звука и лишь быстрота спасет... Где терпение в преодолении пространств является самой сутью существования,.. – если хочешь выжить, если сможешь, то иди, плыви, пыхти, поглядывай по сторонам, – и все вперед, вперед, туда...

Это было завораживающе, околдовывающе! Смятение души и мозгов слеплялось с невозможностью оторваться от этого зрелища, обездвиживая тело – и голова, клонясь немного на бок, свисала над несущейся под ней водой, повинаясь происходящему и уже почти участвуя в нем,.. участвуя своей недвижимой покоренностью и послушной созерцательностью бесконечно малого в бесконечно большом, становясь точкой на линии, уходящей от нее вперед, в даль грядущего и назад, где было до... Где Белый кит откусил ногу капитану Ахаву, а верный, весь покрытый тату, индеец Квикег метал в кашалота выкованный собственноручно из бритвенных лезвий остроносый, беспощадный гарпун... (Сноска: Имеется ввиду роман Германа Мелвилла «Моби Дик»).

Когда-то в давно-давние времена я впервые поднялся по трапу этого гиганта, ступил на его полную простора и ровной гладкости обширную и свободную палубу... Когда-то такое происходило с каждым из нас, тех, кто на ныне грядущем в океане стальном красавце идет в окружении друзей от одного берега бесконечности к другому... По окружности Земли... Огибая ее...

СОН ВТОРОЙ

«СЕДОВ»

Огибая угол здания Ленинградского порта, предъявив аусвайс, мимо молодцов-пограничников («Я на «Седов», «Пожалуйста!») выхожу на пирс. Сердце рванулось выпущенной на волю птицей: вот Он! Вон! Стоит, ждет меня! Господи! Свершилось! Свершилось! Не может быть! Не сон ли это?! Неужели! Наконец-то, наконец!! Полжизни ждал, да нет, куда там – жизнь, всю жизнь! Всю жизнь шел сюда по пням и кочкам бытия и дошел, наконец, назло напастям и чертям! Что б вам, антихристы, препиратели мои, на льду поскользнуться! Что б вам страшный сон приснился! А мой сон – вон он, стоит за ветром на фоне туч, воздевши мачты к их светло-темной серости, к их передвижению, к их нестоянию на месте, к их призыву двинуться в путь вместе с ними!.. К призыву к движению, движению по воде под силой ветра, под стук наших сердец! Где – только вперед, где задний ход не предусмотрен!

Не устану повторять и повторю еще сто крат: самое красивое создание рук человеческих, самое величественное из созданных человеком творений – это парусный корабль. Архитектура и гоночные болиды, самолеты и мосты, гигантские домны и ... – да мало ли что еще прекрасного создали люди! Все красиво, все замечательно, но ничто так не сшибает с ног, ничто не вызывает такого физического головокружения, такого «ах!», как вид заслонивших полнеба парусов над тобой, – а ты такой маленький, а ты такой сильный! И это ты с полнеба, и это ты такой, что гудит в груди и ушах от не выкрикнутого крика счастья! Что еще? Горы? Да, наверно. Сверхзвуковой истребитель? Да, конечно. Мост «Золотые ворота»? Да, грандиозно. Да, потрясающе! Но, но, но... Однажды мой стариннейший друг с мальчишества, с юных лет, а потом большой кэзэбэшный полковник, человек из внешней разведки, много чего повидавший на своем веку, Вячеслав Михайлович Быков, стоя на песке Куршской косы, на берегу Балтийского моря, увидел, как в двух-трех километрах от него, перед ним, вдоль линии горизонта тихо и величественно прошел «Крузенштерн». Беззвучно, на

фоне неба. Под полной парусностью. Это было «ого-го» настолько, что он вспоминает об этом зрелище всю жизнь! А мне несколько раз и несколько разных людей говорили по поводу одной моей картинки («Высота»), где были вознесены в небо башни из парусов, фок-мачта с кливерами-стакселями, что, мол, «смотреть не могу, голова кружится!». А?.. Где еще такое?.. Мужчина, прошедший огни и воды, запомнил навсегда какой-то краткий миг. Женщина, никогда не выдавшая парусника живьем, увидавшая картину на выставке, где нарисовано это чудо, с горящими, широко раскрытыми от восхищения глазами сказала, что не может смотреть, что у нее начинает кружиться голова! Не-е, ребята – ну-тко с наше! Вам до нас не дотянуться! Самые красивые на белом свете, самые величественные, самые потрясающе счастливые – это мы! Мы! Белые, черные, один даже зелененький – «Александр фон Гумбольдт», немец, и паруса зеленые, и корпус зелёный – мы его так «кузнечиком» и зовем, как окрестил его однажды боцман второго грота, а теперь, когда я пишу эти строки, парусный мастер «Седова» Игорь Евдокимов, сам замечательный моряк. Чудесный, красивый, нежный и точный, высоко художественный образ! Мы – дворянство морей, мы – высшая знать океана, как сказал о нас Юхан Смуул! Вам с нами не тягаться! Даже Манхэтэну и Кельнскому собору до нас... не-е, что вы!..То, да не то...

По тихо качнувшемся под ногами трапу поднялся, вышел на палубу. Первый раз!.. Меня встретил молодой, высокий, стройный моряк в черном. Фура чуть бочком, нос из-под тяжелого козырька, «крабище» на тулье – красив, бестия! Четвертый помощник, звать – Виктор Мишенев. Мой будущий товарищ на долгие годы, будущий через пятнадцать лет капитан «Седова», а потом и его капитан-наставник. Мягкая «смайл», проводил, куда надо, в двадцатиместный кубрик, указал койку, где спать, где «кинуть кости»...

Бросил сумку, пошел смотреть «пароход». Почему «пароход»? Военные моряки любое свое судно называют «коробка», а мы, гражданские, всё – от атомного ледокола и контейнеровоза или сухогруза-навалочника в шестьдесят тысяч тонн до небольших каботажных суденышек, т.е. всё, что плавает по воде – у нас всё «пароход». И парусные шипы тоже, а уж толл-шипсы, винджамеры, выжиматели ветра тем более... Специфика у нас такая, этого не объяснишь, это данность, и не цепляйтесь ко мне.

Знаете, «что плавает – все пароход»... А вот все ли мы там на нём братья, – все, да не все! Тут нас свои и подковырнуть могут, коли дать повод! Была такая история. Я добирался из Одессы в Сухуми на «тридцатитысячнике» (29 тысяч, если быть точным) дизельэлектроходе «Россия». Огромный лайнер, полученный нами после войны по репарациям от Германии, бывшая яхта Гитлера – даже его белый рояль сохранился, стоял в холле. Ночью пошел смотреть корабль. Вышел куда-то на самый верх – хорошо, простор, тишина, огоньки порта. Кругом никого. Только у перил леерного ограждения стоял морячок, эдакий одесский корешь. Стоял и смотрел в ночь. Поза его не могла не вызвать улыбки: это была не фигура стоящего человека, а сплошной зигзаг – опершись локтем на планшир, подперев щеку ладонью, он как-то настолько изогнулся в позвоночнике, изломался весь под диким углом, отставив бедро и заведя ножку за ножку и пятку за пятку, а нос из-за подпертого подбородка и щеки задрался так высоко, что только что и оставалось, как смешно нарисовать это чудище в виде какого-нибудь шаржа, живого рыболовного крючка или вопросительного знака с ножками. Стоит, покуривает, – а до воды далеко, метров двадцать высоты. И вот внизу под нами, – тух-тух-тух, пых-тя проходит трудяга-буксир, местный рабочий класс. Мой мэриман, злой мАтрос, снял с губы «беломорину» и крикнул ему со своей верхотуры: «Эй ты, шмара! Подойди поближе, я тебе в трубу плюну!». Такое вот у нас иногда «морское братство»... А вы говорите – «пароход»!.. А ночь-то кругом какая!..

Корабль наш – Самый Большой парусник на свете, самый громадный! Несчетное количество раз наблюдал я поведение людей, впервые попавших на его палубу. Прежде всего человек тишаёт. Оказавшись в среде абсолютно незнакомой, где все не просто незнакомо, а незнакомо ошарашивающе, человек попросту немеет, стоит или медленно идет, как сомнамбула, ходит, сторожко поглядывая по сторонам, тихонько крутит головой, озирается, будто где-то что-то, скромненько так, потом возведет очи в гору – и вдруг, откинув затылок, застынет потрясенный грандиозностью вида огромных, колоссальных мачт, даже если они и без парусов, а просто молча уходят в небо. Вот это да-а! – только что и остается воскликнуть чужаку, бедному чужаку, становящемуся «бедным» под грузом невиданных впечатлений от великой неподвижности всего того, что – можно себе представить – вдруг

задвигается, оживет и напружинившись могучей силищей, сдвинет с места весь этот потрясающий воображение незнакомый, предназначенный к движению и действию мир.

Да, именно мир! Парусный корабль – это отдельный, не похожий ни на что другое свой собственный Мир. Во-первых, здесь столько всего, что только диву даешься! Одних веревок, снастей бегучего и стоячего такелажа набирается аж – сорок километров! Это как?.. Даже если увидишь это собственными глазами, даже если это всё вот оно, перед тобой, – все равно не веришь: как, неужели?.. А люди?.. Какие-то добрые, спокойные, никакой в них нет этой вашей береговой суетливости, всегда готовые к сдержанной улыбке, не рвущиеся в бой, но в любую секунду готовые к моментальному действию, решительному, умелому и бескомпромиссному. Это люди из другого мира, и мир этот называется – морем! Этот мир – триада, он состоит из трех неразделимых элементов, где, как примстилось мне однажды,

*Слились три чуда воедино –
Корабль, Море, Человек!*

Да, именно так, именно так! И новичок, попавший сюда, еще не посвященный в эту интимную тайну, начинает чувствовать, ощущать ее присутствие, ее возвышенность, ее величие и великолепие – и по-новеле тишаает.

Когда я в первый раз оказался на палубе «Седова», новичком в парусе я не был. Яхтенный капитан, «в теме» к тому времени двадцать лет, недооформленный мастер спорта (в спорткомитете – начальник управления водных видов спорта Анатолий Кузьмин – дали звание за одиночный переход на парусной байдарке через Каспийское море, но я отвлекся важными в то время делами, не забрал «корочки», так оно и затёрлось – да и бог с ним, я не тщеславный). Кстати, похожая история было и с академической греблей, когда в 1956 году, получив звание мастера спорта и будучи включенным в олимпийскую сборную, в безрульную четверку Сиротинского, за три месяца до выезда в Мельбурн я получил тяжелую травму ладони, глубокий ожог, и, не съездив в Спорткомитет за мАстерским удостоверением, остался в Москве, в Австралию не поехал. Три месяца я лечил руку, а потом с горя вообще бросил греблю, оставшись без «корочки», и это после де-